

Куда ни кинь...

Всеми колесами боксует реформа народного образования в Хабаровском крае

— Все, — сказала знаменитая директор школы, — ремонтная стадия закончилась. Хотите посмотреть?

Классы и коридоры, радуга глаз, сияли светлой краской. Чувствовалось, работали тут на совесть, имел под руку необходимые материалы.

— А вы жаловались: «Не справимся».

— Неужели мы думаете, что ремонтировали материалы, выделенные нам по линии горючего? — засмеялась Надежда Степановна. — Их хватило бы на пол-этажа. Да и не краски, то бишь, а жуть одна. Нет, мы по старинке. — Бросили кинь родителям. Они все достали, все купили, сажи и отремонтировали. Конечно, это чтобы запрещено, но без родительской помощи не обойтись.

И вправду, как иначе отремонтировать, подготовиться к новому учебному году? Ведь и иные Надежды Степановны не дали ни килограмма белла, ни одного квадратного метра столя необходимого липолеума, отпустили лишь половину заказанного стекла, да и то неподходящего размера, в избытке доставили, пригодную разве что для побелки сараев.

Подобная ситуация для школ края типична, не меняется она уже много лет.

Буквально на уши встретили тут в недалеком прошлом постановление о реформе общеобразовательной и профессиональной школы. И все было бы хорошо, если бы для проведения кардинальных перемен, намеченных реформой, в крае имелась хоть элементарная база.

Вспоминают, языком с шепотками — все из острых коллизий. Ее иначе, как драматической, не назовешь. Воплощение этого нововества в жизнь сочли в крае делом преступника. Радостный настрой портил, прада, заведующий краевым отделом народного образования П. Акимов. Всезде и всюду говорили он:

ЭКСПРЕСС-ИНТЕРВЬЮ

КАКИЕ ДЕНЬГИ ЧЕСТНЫЕ?

— Мы предложили таблицы с перечислениями в ней способами получения материальных благ попросили опрошенных разделить их на трудовые и небрудовые. В список специфически были включены виды деятельности, разрешенные Законом об индивидуальной трудовой деятельности. Хотелось выяснить и то, насколько значительно насилие распределилось с основными положениями этого закона, каково его отношение к тем или иным законным видам деятельности. Показательно, что спекуляции, «чайевые» в системе торговли и обслуживания, пристрастия, выигрывали в азартных играх, вознаграждение за проведение различных культовых обрядов большинством, однозначно оценены как нетрудовые. Столь же единодушное отношение к специфическим средам, единственному виду негрудового дохода — наемным.

Бабенко была членом приемной комиссии и задолго до вступительных экзаменов звела настоящую вужжон студенческих блогов. Античная горгоглия куспания на экзаменах и заведующий кафедрой философии научного коммунизма Т. Доялов, старший преподаватель А. Нуриев.

Полгода длилось следствие, а когда, наконец, закончилось, суд каждому вождю по заслугам.

— Самым распространенным и опасным злом жителей Туркмении считают взятки. Около 40 процентов опрошенных людей попадали в ситуации, когда их подталкивали на взятку, — при поступлении в вуз чаще всего.

Так началась наша беседа со старшим научным сотрудником отдела философии и права АН Туркменской ССР А. Мухамметбердиевым о завершении исследования «Общественное мнение о состоянии борьбы с негрудовыми доходами».

Почему именно в Туркмении проходит этот первый подобный в стране социологический анализ?

На секрет: в годы застоя национальные явления получили в республике широкое распространение. Вскрыты признаки клопка на десятках миллионов рублей. Стали известны стяжные трофеи союзников нафтотиков.

Известны ныне истинные масштабы хищений социалистической собственности, спекуляции, нарушенный социальный справедливости. Взвинчили борьбу с начальниками наследствием недавних лет. ЦК Компартии Туркмении и правительство республики решили высечь настроения людей, их оценку начавшихся работ.

— Наш социологический замер был осуществлен анкетированием в городах и селах республики свыше двух тысяч человек от 18 до 60 лет, — рассказывает О. Мухамметбердиев. — Отвечали они на 45 вопросов. У 96,5 процента опрошенных факты невзаконного обогащения за счет государства и граждан получили разные осуждения. В целом же выяснилась одна из важных тенденций — начинает возрождаться понимание высокой заработной платы как результата значительного трудового вклада.

— Но возникало ли при вынужденных путаницах в понятиях «нетрудовые доходы» и «индивидуальная трудовая деятельность»?

Беседу вели
Е. ПРИХОДЬКО,
АШХАЗДА.

бюро крайкома КПСС П. Акимов был сыном с работы. Комментарии, как говорится, излишили. Впрочем, одну фразу из решения бюро — «Поручить крайисполному укрепить руководство краиному» — все-таки хочется прокомментировать.

На место П. Акимова, чей педагогический стаж составлял без малого четыре десятилетия, глубоко знающего проблемы народного образования, в течение ряда лет на посту заведующего краинома остался никто. никто не возмущался грубой выходкой директора хозяйства Ю. Потапова, на пленуме райкома КПСС раздраженно бросившего директру школы Г. Голубеву: «Ты и все равно забываешь паренам». Подобное возможно, когда повсеместно видишь такое же отношение к школам.

Чем,

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

Итальянский писатель Тонино Гуэрра в биографии Чингизом Айтматовым заметил, что нацисты считали людей в целом неподъемными и неудобными: каждый верит, что если заболел — его будет лечить государство, если проголосует — государство накормит... В первый момент, прочитав, я почувствовал внутреннее сопротивление, обиду даже, но, поразмыслив, понял: здесь — немалая доля правды. В самом деле, как зачастую и вправду свойственно такое детски наивное иждивенчество. Отчасти нас к этому привели, долго и упорно внушили гордость нашими бесплатными социальными и «улыбками» — даже природными благами. Ведь бесплатны у нас не только медицина и образование, бесплатные земля и вода... Отчасти нас привели сами. Есть в человеке человеческой массы такая легко возникающая или нарастающая готовность. В простейшем выражении я наблюдал ее многократно: придержите дверь магазина или, скажем, кинотеатра, пропускавшего человека, женщину с ребенком... и, если вы на секунду замедлите, человеческий поток устремится в открытую дверь, а вы так и останетесь стоять, дергая створку. И ведь видят люди, понимают, что вы вовсе не приглашены дернуть для них дверь: но уж коли держат — иди, пользуясь, ничего задерживать... Все это, конечно, мелочь, но ведь в крупном она вырастает соответственно. В таких больших, важных делах — узловых проблемах экономики, экологии, культуры — иждивенчество наше как раз, думают, и оказывается общим знаменателем причин и следствий, труда и грехов.

В первые полтора-два послереволюционных десятилетия, когда многие народы нашей страны шагнули в новую жизнь прямо из феодализма, не имея рода государственности, промышленного производства, социальных и духовных структур, обширная помощь им специалистами и техниками, учеными, деятелями просвеще-

ния, так наше вам: огромные посевы риса Риса, который, как известно даже детям, растет практически только в зеркале воды! И это было уж воистину согласием нашего Каракалпакского руководства, наших председателей колхозов и полеводов...

Я помню, как лет пять назад, в разгар лета, когда образовалась чудовищный дефицит воды для полива, тогдашний первый секретарь обкома спрошу организовал в Нукусе всесоюзное совещание крупнейших специалистов страны по водным проблемам. До сих пор не появилась никакая книга о его истинной цели? Неужели только наивная надежда, что приедут учёные мужи и вправду помогут? Хотя ведь ясно было: не привезут они с собой воду ни в цистернах, ни даже во флягах. Откуда взяться там воде, кроме разве той, что будет лить в речки на самом совещании? А может, мы сами же, во многом помогая загубить Аму — жизнь наше, основу существования, продолжали лелеять не надежду даже, это бы еще простиительно, примитивно, рабски расчет на то, что кто-то где-то, далеко наверху, придумает, поможет, спасет, приведет воду, но там северные реки повернут или еще что...

Осенью прошлого года «Огонек» напечатал мое письмо в редакцию, где речь шла о том, что у нас, в Каракалпакии, в Узбекистане, во всем среднеазиатском регионе, по отношению к большинству населения нарушены многие аспекты социальной справедливости. В частности и о том, что вопросы расхожему представлению, будто все на Востоке живут богато, у нас немало людей, живущих ниже уровня бедности, ибо «средний» заработок распределется на весь народ, как правило, многодетные семьи. Приводились в письме и демографические прогнозы, свидетельствующие, что в будущем ситуация может только во всех смыслах усугубиться... И вскоре я получил письмо, которое не могу здесь не привести: «В № 43 «Огонек» вы пишете, что у вас беднота, смертность

и бесплодие у нас выше, чем в Европе... Я знаю, что вы вовсе не приглашены дернуть для них дверь: но уж коли держат — иди, пользуясь, ничего задерживать... Все это, конечно, мелочь, но ведь в крупном она вырастает соответственно. В таких больших, важных делах — узловых проблемах экономики, экологии, культуры — иждивенчество наше как раз, думают, и оказывается общим знаменателем причин и следствий, труда и грехов.

В первые полтора-два послереволюционных десятилетия, когда многие народы нашей страны шагнули в новую жизнь прямо из феодализма, не имея рода государственности, промышленного производства, социальных и духовных структур, обширная помощь им специалистами и техниками, учеными, деятелями просвеще-

ОТДАЧА ДУХА И ИЖДИВЕНЧЕСТВО ДУШИ

Тулеберген Каипбергенов,
народный писатель Каракалпакии

ния и культуры была не только в высшей степени оправданной, но и крайне необходимой. В чем только она не проявлялась... Я знал многих своих земляков, кто в ту пору вступал в жизнь: в них до конца чувствовалась величайшее уважение к приобретенным в юности знаниям и основам профессионализма, искренняя, живая благодарность к тем, кто привнес их на нашу землю и щедро поделился с моим народом. Почему таких людей осталось мало? Все знают, не одно только само время их унесло...

Но, увы, уже давно у многих земляков — моих современников стало вырабатываться совсем иное отношение к урокам культуры и прогресса — как и чему-то полагающемуся, и честно-сложно бы выделить по обязательной «национальной разнице»... А раз полагается — значит непременно дадут, хочешь не хочешь — получишь. Чего я надеялся, не знаю, — вспоминать новое? Ведется это смело: главное — диплом получить, а уж тем более отчисления и самим экзаменаторам совершили ни к чему... Национальные надры — любой ценой! А как при этом «куются» надры — вопрос десятый...

Я далек от того, чтобы огульно перечеркивать урнову в целом национальной интеллигенции, выросшей за годы Советской власти. И не только потому, конечно, что сам же призадумался. Есть у нас замечательные учёные, врачи, инженеры, агрономы, педагоги... Но что тенденция стала прискорбной «вычески» надрыв существовала и существует — сомневаться не приходится. «Плоды» она приносит и приносит соответствующие... Под это даже и база подводится, иконы рациональных пусты и примеру, парень или девушка из сельской национальной школы сдают вступительные в вуз еле-еле, но все равно они предпочтительнее горожан с более крепкими знаниями. Горожанин-то не поедет на село, а эти скорее всего домой возвращаются. Что они притягиваются весь курс на милосердно «натянутые» тройки — будь невелikan: специалисты на селе оби как пустыни!

Но ведь нужны именно специалисты! Давно известно, что полуграмотности куда хуже неграмотности. И такая вот «забота» о национальных надрах как раз и приводит в конце концов к национальному бедствию. Взаимодействует с национальным иждивенчеством, которые потом сами уже распускаются пышным цветом, размножаются в семьях, растущих новые поколения.

Я думаю, не требуется особого труда, чтобы проследить, в чем и каким образом это было на сегодняшней нашей жизни. Теперь мы много говорим, пишем, трушимся промтаки о катастрофе с Ариалом, и в наших голосах стали присоединяться наконец голоса московских публицистов. Конечно, грешно было бы отнести эту катастрофу целиком на наш счет: гут результат многолетнего трагического головорезства, преступного недомыслия, а вернее, преступного нежелания мыслить, проявленного на разных, в том числе и весьма высоких уровнях. Когда был нанесен первый сокрушительный удар по королевству поп-лице Ариала Амударье — открытым Туркменским каналом, это пришло ли быть нашим виной, и ни Каракалпакский облик, ни даже ЦК Компартии Узбекистана не были в этом деле решающими инстанциями. Спешу оговориться: нет, я вовсе не противижу того, чтобы браты туркмены получили амударянскую воду; но когда эту в полном смысле золотую влагу пустили в прорытое прямо в песках ложе, разве не было, как говорят, и «секу понятно», что за фальцация будет в этом песке (не зря в народе говорят: «как вода в песок уходит»).

И первым: пущенные в песок, она привнесла братам туркменам больше, чем пользы. А прочие затеи, когда с помощью все той же амударянской воды осваивали в среднем течении песчаные степи, оставляя на воде полевые и соли пятитысячелетний Хорезмский оазис? Но и это, допустим, не от нас зависело, не было тут нашего решающего голоса, но ведь какой-то негромкий, совершенственный все же был? Пусть не в Нукусе, пусть не в Ургенче — в Ташкенте хотят?

Ладно, оставим и это. Но дальше-то — уже понимали, видели, что творится, как превращалась летом Амударья в цепь пересыхающих луж, вот-вот должна была и вовсе остановиться, где когда-то были ее многокилометровые разливы. И все-таки всем, что называется, скромно продолжали неразумно разбазаривать воду во время половодья. Мало было хлопковых полей, едва не вымытых Амударью, досуха, выголодающих сады, леса, а главное — пастильщики (недаром ведь еще в 1984 году считалось, что на одного жителя Каракалпакии приходится полтора бараана, а по сегодняшней статистике — одни на три человека), мало всего

этого, так наше вам: огромные посевы риса Риса, который, как известно даже детям, растет практически только в зеркале воды! И это было уж воистину согласием нашего Каракалпакского руководства, наших председателей колхозов и полеводов...

Я помню, как лет пять назад, в разгар лета, когда образовалась чудовищный дефицит воды для полива, тогдашний первый секретарь обкома спрошу организовал в Нукусе всесоюзное совещание крупнейших специалистов страны по водным проблемам. До сих пор не появилась никакая книга о его истинной цели? Неужели только наивная надежда, что приедут учёные мужи и вправду помогут? Хотя ведь ясно было: не привезут они с собой воду ни в цистернах, ни даже во флягах. Откуда взяться там воде, кроме разве той, что будет лить в речки на самом совещании? А может, мы сами же, во многом помогая загубить Аму — жизнь наше, основу существования, продолжали лелеять не надежду даже, это бы еще простиительно, примитивно, рабски расчет на то, что кто-то где-то, далеко наверху, придумает, поможет, спасет, приведет воду, но там северные реки повернут или еще что...

Осенью прошлого года «Огонек» напечатал мое письмо в редакцию, где речь шла о том, что у нас, в Каракалпакии, в Узбекистане, во всем среднеазиатском регионе, по отношению к большинству населения нарушены многие аспекты социальной справедливости. В частности и о том, что вопросы расхожему представлению, будто все на Востоке живут богато, у нас немало людей, живущих ниже уровня бедности, ибо «средний» заработок распределется на весь народ, как правило, многодетные семьи. Приводились в письме и демографические прогнозы, свидетельствующие, что в будущем ситуация может только во всех смыслах усугубиться... И вскоре я получил письмо, которое не могу здесь не привести: «В № 43 «Огонек» вы пишете, что у вас беднота, смертность

КОЛОКОЛА НАД НЕВОЙ

Петроградская крепость стала одной из концертных площадок. По выходным и праздникам здание Ленинграда и его гости слушают традиционные русские колокольные звоны. В программе — звонки «Праздничные» и «Петроградские», серия ростовских, «Гимн великому городу». Играет на колоколах ансамбль,

который возглавил Валерий Логашов — преподаватель Музыкального училища имени М. П. Мусоргского. ● Звонки Максима Ершова и Игоря Воробьева. ● У собора в Петроградской крепости во время концерта.

Фото Ю. Белинского [ТАСС].

ЗАМЕТКИ БУКВОЕДА

Как беззащитные слова! Вот математику защищают самой численностью, хотя бы и таблица умножения. Ошибается в одном месте — разваливается все. А в истории, филологии, казалось бы, можно перекрыть фантазию сколько угодно. Однако малейшие ошибки никак не способствуют приращению нашего интеллектуального могущества...

Пусть читатель простит, но начнем с первачинений...

В очерке Льва Колодного «Калинин у проспекта» («Московская правда», 24 апреля 1988 г.), где описано, как из-за ошибки между тем, что сделано автором, и тем, как это было напечатано, иконы «восточных» и «западных» деревень, я напоминаю читателям, что это должно выглядеть на профессиональном уровне... Да, так сказать, предметный урон. Но вот что примечательно: именно в тот период и не считали возможным так перевести слово «переводчик» честно: то, что написано... А «переводчик» возникло и широко распространено, угрожая всему, именем которого именуют «доморощенность». И все же, несмотря на то что переводчики, как правило, вынуждены работать на память десятками примеров, когда на какой-нибудь московский учёный пишут диссертацию аспиранту из национальной прессы, а умелый «зам» подпирает некомпетентного руководителя из местных.

Мне вспоминается недавний пример из пушкинской театральной жизни, когда итоги подобной деятельности неизбежно оказались у всех на виду. В национальных культурах, которые не знали до революции прозы, не знали театра (если не считать ящика кулишников), театр родил послереволюционную действительность, а также сложные театрально-музыкальные формы, как опера, оказались и вовсе весьма «взрослыми». Правильно рассчитывали: для того чтобы выжить, надо было создать народную оперу. Для этого и народного призывали музыканты и постановщики из Ташкента. Наконец премьера состоялась, прошла вроде бы с успехом, ташкентские гости уехали... и созданный ими спектакль немедленно развалился!

Вот что такое нарезумое, чрезмерное «доморощенство» — уже не помочь, а подмена тех, кому надо было помочь!

Интернационализм — это не улица с односторонним движением. Он требует самодвижения взаимной, предусматривает — раньше или позже — взаимообогащение: и у нас же, в Нукусе, у всех перед глазами есть тому замечательный пример. Речь идет об удивительном энтузиазме, русском художнике Игоре Битальевиче Савицком, который приехал в Нукус около сорока лет назад, остался здесь на все годы, начал на гротах, остававшихся от зарплаты, собирать произведения каракалпакского прикладного искусства. Впоследствии эта коллекция, которая нам самим каракалпакам, открыла глаза на скроеки, веками бытующие в национальной культуре, иконы-полихромии...

Но мало было помочь: и сама культура...

В книге «Весыльный Глеб Прокудин «Срезал земляка-полихромии...»

На фамилии главного персонажа рассказа «Срезали», о котором идет речь в очерке, — Капустин. Фамилия же Прокудина (Егора) носит известнейший герой «Калинин красного».

В книге «Маклозин» («Московская правда», 24 апреля 1988 г.) где описано, как скрупулезными подробностями рассказало о московском периоде жизни В. М. Шукшина, есть фраза: «Всезнающий Глеб Прокудин «Срезал земляка-полихромии...»

На фамилии главного персонажа рассказа «Срезали», о котором идет речь в очерке, — Капустин. Фамилия же Прокудина (Егора) носит известнейший герой «Калинин красного».

В книге «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

издание В. Кирюшин и маконец...

Вот что же это за опечатка такая, если невразумное «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

издание В. Кирюшин и маконец...

Вот что же это за опечатка такая, если невразумное «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

издание В. Кирюшин и маконец...

Вот что же это за опечатка такая, если невразумное «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

издание В. Кирюшин и маконец...

Вот что же это за опечатка такая, если невразумное «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

издание В. Кирюшин и маконец...

Вот что же это за опечатка такая, если невразумное «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

издание В. Кирюшин и маконец...

Вот что же это за опечатка такая, если невразумное «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

издание В. Кирюшин и маконец...

Вот что же это за опечатка такая, если невразумное «Маклозин» повторено на двух страницах пять раз! Шесть имен текста — составитель М. Числов, редактор И. Шевелева, корректоры Л. Четыркина и Н. Хасана, ответственный за

«Дальше... дальше... дальше»
М. Шатрова на сцене Куйбышевского академического драматического театра имени М. Горького.

Много ли в истории нашей драматургии было таких остроумных споров, как споры о последней пьесе М. Шатрова! Старательно напрограммировано, и, право, ничего подобного не приходит на ум. Спорила пьеса о пьесе — о литературном источнике, еще не получившем юридического определения. Ведь недаром восемь зодчих театральных деятелей в своем письме в «Правду» противостояли против оскуждения пьесы на тот момент, когда не скажи своего слова ни один театр. Теперь это слово сказано — в Томске, Ростове, в Куйбышеве, в Ташкенте... Стало наименее ясно, в чем же смысл пьесы «Дальше... дальше... дальше», в чем ее влияние на зрителя. Спектакль в постановке П. Монастырского породил, передвигаясь сценами и промежуточками, десять дней подряд, настоящую остречку и восторженный прием, в бурные дискуссии среди любопытнейших зрителей.

«На сцене спектакль — огромный циферблат и четыридцать дисков вращущихся колес — фрагменты механизма часов «Славянской башни»; слева — экран, на котором возникают портреты и фамильные действующих лиц (кинограф Н. Элле). В таком настисто лишенном бытовой конкретности обрамлении и позволяющих авторы, которым предстоит занять в спектакле другой жизнью и как артисты — наши современники, и как исторические персонажи пьесы.

Кстати заметим, что эти перегородки не всегда очевидны и последовательны, но всегда дают для зрительного танца. А мысль режиссера сама по себе точна, ибо полностью отвечает заданию драматурга: театр не только воспроизводит события истории, но и судит о них с позиций национального времени. И, конечно, прежде всего, не наших глазах происходит исследование роли Сталина, его характера, его влияния на судьбы страны и партии.

От имени Сталина выступает артист О. Самарин. Он, как и все, играет без грима, не ставя перед собой задачу создания портретного сходства, но тонко, сдержанно воспроизводит неизвестные внешние черты, помогающие понять и зацепить особенности характера Сталина. Но сцена все время находиться умным, сильным, коварным и хитрым человеком, наставляемым, уверенным позором, настороженными, хмурыми, проницательными глазами, плавающими, ласкательными мимиками, бесконечным блеском на глазах.

В зале аплодируют свет. На сцене в скромном молчании застаивают люди, а за их спиной — бесконечная перспектива человеческих лиц, переполненных страсти.

А вот для Ленина, скрывающегося от полиции в квартире на Сердобольской, время ведет поток. Он постоянно сладит за часовыми стрелками, подгоняет, торопит события.

И лишь один человек никогда не спешит — Сталин. Он спокоен. Он почти не повышает голоса. Он уверен в себе и в своем времени. Огромный часовой механизм превращается в неумолимую и кровожадную машину, которая, подчиняясь даже не слову, не жесту, в камнем-то неуловимому движении глаз изображения Сталина, поглощает и перемалывает «героев народа». И часы звучат погребальным колоколом по бесчисленным ванным и тайным жертвам сталинского режима, сталинского времени, запечатлевшего течение которого театр в конце концов обрывает.

В зале аплодируют свет. На сцене в скромном молчании застаивают люди, а за их спиной — бесконечная перспектива человеческих лиц, переполненных страсти.

ЦИРК

Если вам доведется побывать на цирковом представлении [это ровно, на дневном или вечернем], окуните взором в мифтвир, и вы убедитесь: подавляющее число зрителей пришло с детьми. Взрослые, особенно молодежь, сейчас не слишком жалуют то, что показывают на экране. И это касается не только нашего, но и мирового цирка.

Почему уходит зритель?

Наверное, хорошо, когда цирк объединяет людей разных возрастов. Но ведь пятилетний малыш и его для разного воспринимают искусство, многое требуют от него. И тут возникают вопросы: насколько современный цирк интересен детям? Какую воспитательную функцию он несет? Ведь для большинства ребятшек, особенно гордеских, цирк — это первое зрелище, которое они видят.

Директор едва ли не крупнейшего в Западной Европе цирка «Кин» (выступающего по премьерству в Швейцарии) Ф. Кин попытается, что глянцева задача цирка, который он руководит, — как можно шире знакомить посетителей с феноменом цирка. Идеи у него программы, как правило, состоят на выступлениях драматических, показывающих прекрасно усвоенные, отлично видоизмененные лошадей, верблюдов, слонов, львов и т. д. Как привлекательны те добродетели, с которой относятся артисты к своим воспитанникам! При цирке действует и большой зеркальный зрителям посыпают его перед представлением и в антракте.

А в нашем цирке Кончено, и в нем имеется немало номеров с животными, не доминирующими места они не занимают. В том числе и в детских представлениях, принципиально иначе, не отличающихся от тех, которые играются вечером.

Зато они короче, да артисты выходят не макиях в костюмах, так сказать, второго сорта. Удивительно, но во всю историю советского цирка не в одном теоретическом сочинении не говорилось, каким должно быть представление для детей. И если ставились какие-то тематические действия, адресованные ребятам, то по большей части вспоминали о способе агитки со слышиками и добродетельными плюшевыми, вступающими с агитками слышиками в борьбу.

Ну а представления для взрослых?

Слова нет, технический уровень показываемых номеров несомненно высок. Во многих случаях исполнители такие сложные трюки, какие лет двадцать тому назад были немыслимыми. Однако чистая демонстрация даже сложнейших трюков все меньше привлекает толпу артистов. Да, без трюков высохшая трудность цирка не может существовать. Но в хорошем номере они используются для создания художественных образов, потому что выступающие в цирке и называются артистами, а не спортсменами. Что из того, если скромные триумфы переворачиваются в воздушные, прежде чем встанут на арену, или монголы подбросят и подхватят десять колец! Конечно, исполнение сложных трюков может поразить смотрящие. Но увы, зеваков больше — едва ли! А между тем многие современные номера состоят только из суммы трюков.

Вспоминаются выступления работающего в ФРГ цирка Ронкали, возглавляемого П. Бернгардом. На представления этого цирка билеты продавались за две-три месяца вперед. И это не случайно. Цирк-ретро, окруженный старинными плюшевыми, переделанными в бутфары со швейцарским вином и гамашами, какие носили в прошлом веке, удивительно своеобразен. Артисты здесь встречают зрителей еще на улице, любы зазывая на представление, в ведь именно такие клоуны могли видеть наши бабушки и дедушки. Конечно, здесь мы никого не спугиваем, но, право, интересно, когда же, перешагнув цирковые пороги, попадают в девятнадцатый век. И номера здесь часто совсем не похожи на привычные: скажем, артист кудесным образом выдаляет чудесные пузыри самой различной конфигурации и делает это в необыкновенное, тонким юмором.

В нашем цирке по большей части следуют одни

ЧАСЫ ИСТОРИИ

ПРЕМЬЕРЫ

мы Полибию, даже такие интеллектуалы, как Эннисье и Каменев, полагали, что он агентом последствий и будет вполне управляемым генералом. Дорого заплачали и они сами, и партия, и советский народ за такую бледноту. «Очень хочется, чтобы Сталин учил, но пока что он не сцене...» Этой фразой завершается спектакль. Да, Сталин пока что не сцене. На сцене театра, на сцене истории, не сцене нашей сегодняшней жизни с ее противоречиями. Стalinский франц, знаменитый аристократ, которую автор, выходя из роли, напоминает нам о спинах стульев, настороженно напоминает нам о его присутствии. Как сдвинуть, чтобы он ушел!

Время действия спектакля — это 70 с лишним лет, которые отделяют день сегодняшний от октября 1917 года. Огромные символические часы, отсчитывающие прошлое время, постоянно перед глазами. Но для каждого из участников это время — настолько бытовой конкретности обрамлено и позволяют авторы, которым предстоит занять в спектакле другой жизнью и как артисты — наши современники, и как исторические персонажи пьесы.

Кстати заметим, что эти перегородки не всегда очевидны и последовательны, но всегда дают для зрительного танца.

А вот для Ленина, скрывающегося от полиции в квартире на Сердобольской, время ведет поток. Он постоянно сладит за часовыми стрелками, подгоняет, подгоняет, торопит события.

И лишь один человек никогда не спешит — Сталин. Он спокоен. Он почти не повышает голоса. Он уверен в себе и в своем времени. Огромный часовой механизм превращается в неумолимую и кровожадную машину, которая, подчиняясь даже не слову, не жесту, в камнем-то неуловимому движении глаз изображения Сталина, поглощает и перемалывает «героев народа». И часы звучат погребальным колоколом по бесчисленным ванным и тайным жертвам сталинского режима, сталинского времени, запечатлевшего течение которого театр в конце концов обрывает.

В зале аплодируют свет. На сцене в скромном молчании застаивают люди, а за их спиной — бесконечная перспектива человеческих лиц, переполненных страсти.

А вот для Ленина, скрывающегося от полиции в квартире на Сердобольской, время ведет поток.

И лишь один человек никогда не спешит — Сталин. Он спокоен. Он почти не повышает голоса. Он уверен в себе и в своем времени. Огромный часовой механизм превращается в неумолимую и кровожадную машину, которая, подчиняясь даже не слову, не жесту, в камнем-то неуловимому движении глаз изображения Сталина, поглощает и перемалывает «героев народа». И часы звучат погребальным колоколом по бесчисленным ванным и тайным жертвам сталинского режима, сталинского времени, запечатлевшего течение которого театр в конце концов обрывает.

В зале аплодируют свет. На сцене в скромном молчании застаивают люди, а за их спиной — бесконечная перспектива человеческих лиц, переполненных страсти.

Популярной достопримечательностью нынешнего сезона стал дом на одной из центральных улиц Рыбинска Барышевы, в Кировской области. В обычном городском здании разместился музей, посвященный величайшему русскому поэту Т. Г. Шевченко.

Нельзя без волнистых присутствовать к страницам «Бобры» — на стенах пять прижизненных изданий. Тут же сборники, выпущенные в Женеве, Лейпциге, Праге. Представлено и более пятидесяти книг о жизни и творчестве славного сына украинского народа, иллюстрации к его произведениям, выполненные известными художниками.

Специалисты отмечают уникальность и ценность барышевского собрания. Его основу составляет одна из лучших в стране частные коллекции, составленные киевскими учеными, ветеранами партии В. Костенко.

— Более четырех десятилетий, — рассказывает Василий Савинович, — я собираю все, относящееся к биографии Тараса Шевченко, его произведениям. Часто приезжаю к себе на родину и, видя, что в Барышеве не хватает культурных объектов, решил подарить свою коллекцию землякам. Рядом она стала основой шевченковского музея.

Дважды в неделю, по средам и субботам, спешат сюда любители поэзии. Несмотря на возраст, в Барышеве воссоздается атмосфера поэта. Такое впечатление, что из колеса вымыты все его возможности. Но дело не только в этом сложнейшем вещце. Циканко играет, да, иначе играет человека, которому все это легко и доступно, шутливо с колесами, забавляющимися с ними. И зрителям становится весьма интересно, что есть на свете такой мастер.

Однако проблема авторского мастерства ведет ли не самая сложная в современном цирке. Всего лишь для примера исполнители миллионы номеров. Большинство из этих номеров позаимствованы один из другого: также же виши и там же из них являются ассистенты. Но это еще полбеды. Главное в других фокусах показывается со всей серьезностью, даже без намека на юмор, иironии, как будто бы сегодня кто-то может поверить в таинственные силы, связанные с миллионочками, никакими игры с публикой. И если даже попадаются дурахи или вымыты из числа зрителей ассистентов, то и здесь соблюдается некая особая честность. Все внимание сосредоточено на красоте аппарата, на экстремитетах нарядах исполнителей и ассистентов, на танцах. В результате вместо циркового номера зрителям предлагаются иноназанные зориальные зрелища второго сорта.

Увы, хорошо зрямись программы и номеров мало, гораздо меньше, чем этого хотелось бы. Что грех танц, часто программы идет как танец насыщенной телеги, вызывающий у тех, кто ее смотрит, недовольство и скепси. Просмотреть такую программу, люди вообще заканчиваются за минуту.

М. ВОЛОБУЕВ,
(Корр., ТАСС).
БАРЫШЕВА,
Кировская область.

и многим. Разве может быть иным воздействием символики сталинизма и Орджоникидзе, которую оба автора — и О. Смирнов, и Е. Мусат — призывают театра почтить вспоминанием память героя революции. Это показывает и очищающая минута молчания, минутная остановка в суете нынешнего века, так нам всем необходима.

Конфликт в спектакле выражается изнутри. Конфликт — это резко разграниченные два первых, два соплеменника. Они выражают гордые грузинские слова, шмыгают стулья. Но постепенно в диалоге становится все тише, все спокойнее. И по мере этого внешнего успокоения все очевиднее становится невозможность принятия позиций. Когда они подхватывают сценарий, когда они вспоминают «Сулаки», нам очевидно вскошет на голову пот. Этими последующими событиями история созданного им Советского государства и повествование о нем уходит в прошлое.

А что делает в привычном театральном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

А что делают в привычном выражении на сцене нет. И дело не в том, что нет внешнего сюжета, портретного грима, характерных, преобразивших уже в авторские штампы кинематографа, эпизодов, которые имелись в фильмах еще раньше, не проговорившиеся в привычном выражении.

